

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.236.251>

МОГИЛЬНИК ПАМЯТНОЕ 1: К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ГОРОХОВСКИХ КОМПЛЕКСОВ В СТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИТОБОЛЬЕ¹

©2025 г. В.А. Зах, А.В. Слепцова

Процессы, происходившие с IX по IV–III вв. до н. э.: от миграции в Нижнее Притоболье носителей таежных (гамаюнских) традиций, смешения их с носителями бархатовских традиций и формирования восточного варианта иткульской культуры до становления саргатской культуры, могут трактоваться скорее как генезис культуры еще переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. За этот период происходит смена не менее чем пяти культурных комплексов, обнаруживающих, предположительно, преемственную связь. Сохраняется строительство укрепленных поселков с наземными жилищами – традицией, широко распространенной на таежных территориях; захоронения, вероятно, совершаются в грунтовых могильниках, или практиковался иной способ погребения (например, на поверхности почвы или так называемый воздушный). По-видимому, с конца V – IV в. до н.э. – времени существования баитовских и гороховских комплексов общество стало переориентироваться на традиции лесостепных и степных культур. О хронологической последовательности и генетической связи иткульских и баитовских комплексов свидетельствуют как керамические материалы, так и радиоуглеродные даты, для определения же соотношения, формирования и развития баитовских, гороховских и саргатских древностей требуются дальнейшие исследования. В этом плане определенный интерес представляют археологические и палеоантропологические материалы погребений из двух курганов могильника Памятное 1 в Курганском Притоболье.

Ключевые слова: археология, Притоболье, курганный могильник, ранний железный век, курганы с одиночными захоронениями, гороховские комплексы, саргатская культура, палеоантропология, одонтометрия.

ПАМЯТНОЕ 1 BURIAL GROUND: REVISITING THE PLACE AND ROLE OF THE GOROKHOVO ASSEMBLAGES IN THE FORMATION OF THE EARLY IRON AGE CULTURE IN THE TOBOL RIVER REGION²

V.A. Zakh, A.V. Sleptsova

The migration of the bearers of taiga (Gamayun) traditions to the Lower Tobol region, their mixing with the population of the Barkhatovo traditions, the formation of the eastern variant of the Itkul' culture, and the formation of the Sargat culture, which took place in the period from the IX to the IV-III centuries BC, can be interpreted rather as the genesis of a culture of the period of transition from the Bronze Age to the Early Iron Age. At least five cultural complexes, presumably successive, changed during this period. Firstly, construction of fortified settlements with above-ground dwellings still existed. This tradition was widespread in taiga zone. Secondly, the dead were probably buried in burial grounds without mounds, or other burial technique was practiced (for instance, burials on the soil surface or sky burials). During the existence of the Baitovo and Gorokhovo assemblages, the society apparently began to reorient itself towards the traditions of forest-steppe and steppe cultures. Both ceramic materials and radiocarbon dates are indicative of a chronological sequence and affinity of the Itkul and Baitovo assemblages. Further study is required to determine the relationship, formation, and development of the Baitovo, Gorokhovo, and Sargat artifacts. In this regard, materials and

¹ Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

² The work was prepared by the Institute of the problems of Northern development TYUMSC SB RAS as a part of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic no. FWRZ-2021-0006).

anthropological data from two barrows of Pamyatnoe 1 burial ground in the Tobol River region near Kurgan are of particular interest.

Keywords: archaeology, Tobol River region, barrow field, Early Iron Age, barrows with a single burial, Gorokhovo assemblages, Sargat culture, paleoanthropology, dental metrics

Введение

Исследования за более чем полвека большого количества поселений и могильников раннего железного века (далее также – РЖВ) в Притоболье позволили выделить ряд своеобразных культур, среди которых, безусловно, наиболее яркой является саргатская. Материалы, относимые к раннему железному веку, по мере их накопления систематизировались В.Е. Стояновым, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой и другими исследователями (Стоянов, 1970; Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Зимина, Зах, 2009). Часть вопросов остаются дискуссионными, в особенности, связанные с выделением и формированием гороховской и саргатской культур в Тоболо-Ишимье (Корякова, 1988, с. 5–19). Специалисты, занимающиеся этими вопросами, отчасти синхронизируют материалы иткульской, байтовской, гороховской и саргатской культур, т.е. считают их носителей сосуществовавшими на территории Притоболья. Так, Н.П. Матвеева полагает, что «продвинувшиеся с востока в V–IV вв. до н.э. саргатское население вытеснило, а частью и ассимилировало автохтонов лесостепного Притоболья – носителей байтовской и гороховской культур» (Матвеева, 1993, с. 163). Л.Н. Коряковой предложена иная концепция, согласно которой образования переходного типа были снивелированы стереотипами саргатской культуры, причем процесс совершался одновременно по всему ареалу культуры (Корякова и др., 1987). Процессы, происходившие с IX по IV–III вв. до н.э.: от миграции в Нижнее Притоболье носителей таежных (гамаюнских) традиций, смешения их с бархатовским населением и формирования восточного варианта иткульской культуры до становления саргатской культуры, могут характеризоваться скорее как генезис культуры еще переходного периода от эпохи бронзы к РЖВ (Зимина, Зах, 2009). Сохраняется строительство укрепленных поселков с наземными жилищами – традицией, широко распространенной на таежных территориях; захоронения, вероятно, совершались в грунтовых могильниках, или практиковался иной способ погребения, например на поверхности

почвы или так называемый воздушный. Вероятно, с конца V – IV в. до н.э. – времени существования гороховских комплексов, общество стало переориентироваться на традиции лесостепных и степных культур.

В вопросах культурогенеза в раннем железном веке в Притоболье и роли в этом процессе гороховского населения наряду с археологическими большое значение имеют палеоантропологические материалы. В одной из недавних работ (Багашев, Слепцова, 2024) проанализирована краниометрия и одонтология суммарной гороховской серии, включающей материалы из могильника Памятное 1 в Курганском Притоболье (Багашев, Слепцова, 2024, табл. 1). Установлено, что краниометрические характеристики выборки гороховских черепов мало различаются между собой. Серия характеризуется европеоидным строением с незначительной примесью монголоидного элемента. Анализ выделения общих закономерностей внутригрупповой изменчивости, проведенный с помощью факторного анализа, продемонстрировал более заметную примесь монголоидных элементов у индивида 2 из п. 1 к. 1 из Памятного (Багашев, Слепцова, 2024, рис. 2). Индивид 1 из п. 1 к.1 из курганного могильника Памятное расположен в одном поле графика с индивидами из Хрипуновского, Шадринского и Онуфриевского могильников. Им свойственны мезобрахикrania, эуриформный, относительно уплощенный лицевой скелет.

Касательно вопроса диахронных и синхронных популяционных связей, по краниологическим данным в составе гороховского населения прослежены две европеоидные комбинации признаков, связанные с андроновцами-алакульцами и савромато-сарматским населением европейской части России, а также андроновцами-федоровцами и саргатским населением Западной Сибири (Багашев, Слепцова, 2024). Одонтологические данные свидетельствуют, что миграционный процесс был ключевым в формировании антропологического состава как гороховского, так и саргатского населения Западной Сибири. Гороховская группа не демонстрирует связи

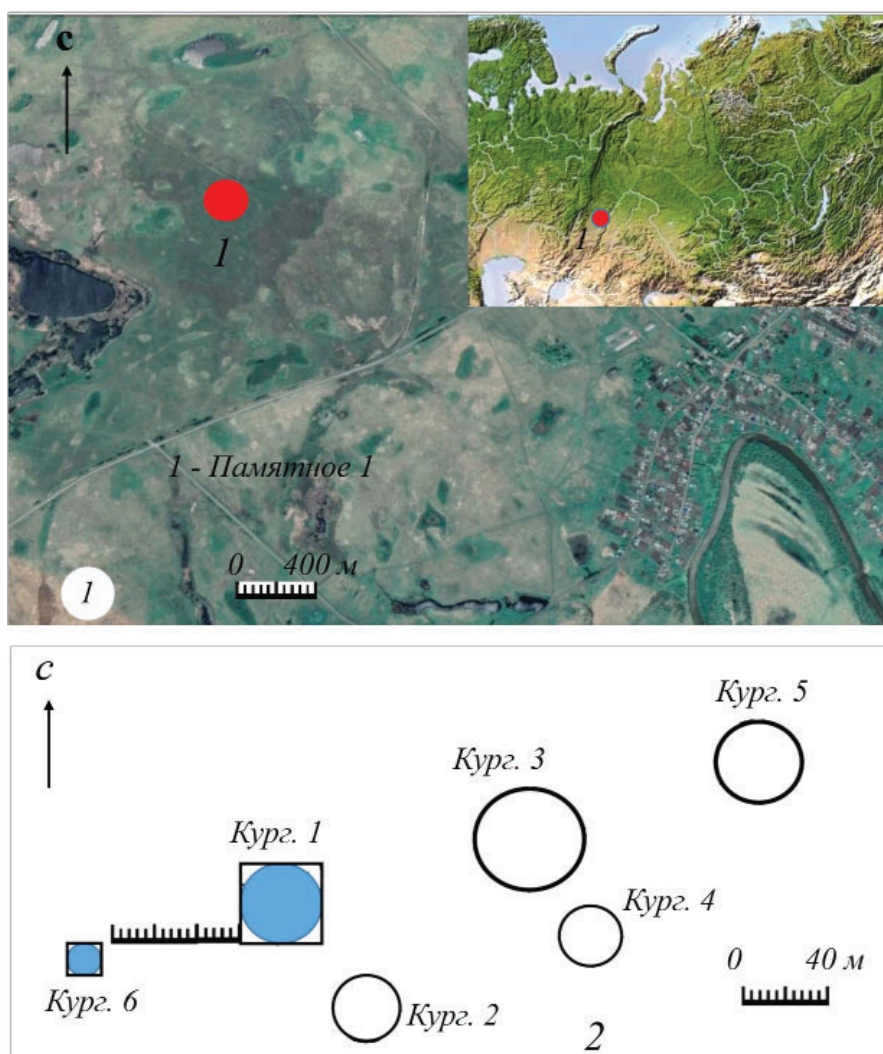

Рис. 1. Местоположение (1) и план (2) курганного могильника Памятное 1.
Fig. 1. Location (1) and plan (2) of the Pamyatnoye 1 barrow field.

с хронологически предшествующим населением Западной Сибири эпохи бронзы, ее происхождение связано с влиянием ранне-сарматского населения Южного Урала (Слепцова, 2021). Однако стоит учитывать разрешающие способности метода: степень влияния как сузгунских и красноозерских групп эпохи бронзы, так и байтовского и иткульского населения переходного времени на антропологический состав населения раннего железного века не может быть исследована из-за отсутствия сравнительных данных по населению этих культур. По той же причине – отсутствия антропологических материалов – на данном этапе не представляется возможным исследовать связь между межовским населением эпохи бронзы и гороховскими группами.

В последние десятилетия благодаря широкому применению радиоуглеродного

датирования и исследованиям памятников переходного периода от бронзы к раннему железу (Кайдалов, 2013), восточного варианта иткульской культуры (Зими́на, Зах, 2009) и байтовской культуры (Цембалюк, 2017) уточнены позиции обозначенных комплексов¹ с ареалами в Притоболье. Если сосуществование иткульских и байтовских древностей не подтвердилось, то соотношение байтовских, гороховских и саргатских комплексов пока не совсем очевидно. Так, С.И. Цембалюк, с одной стороны, определяет «место байтовской культуры в раннем железном веке Притоболья между древностями восточного варианта иткульской культуры и саргатскими», а с другой – говорит о проникновении в байтовскую среду с запада гороховского, а с востока – саргатского населения (Цембалюк, 2017, с. 14, 15). Высказывалась точка зрения, соглас-

но которой гороховская и саргатская культуры имеют «большое сходство... в погребальном обряде, принципах домостроительства, вещевом комплексе и керамике» (Полосьмак, 1987, с. 101), что «позволяет рассматривать гороховскую группу памятников не как особую культуру, а как локальный вариант саргатской культуры» (Полосьмак, 1987, с. 97–100). Таким образом, о последовательном развитии иткульских и баитовских комплексов свидетельствуют как керамические материалы, так и многочисленные радиоуглеродные даты. Для понимания же соотношения и развития баитовских, гороховских и саргатских древностей требуются дальнейшие исследования. В этом плане определенный интерес представляют материалы погребений из двух исследованных в 2009 г. курганов могильника Памятное 1.

Цель работы – ввести в научный оборот материалы могильника Памятное 1 для уточнения роли гороховских комплексов в процессе становления культуры раннего железного века Западной Сибири.

Материалы и методы исследования

Могильник расположен в 1,8 км к западу от д. Памятное Белозерского района Курганской области, в 10,0 км к востоку от федеральной трассы Тюмень–Курган, в глубине левобережной первой надпойменной террасы р. Тобол, сложенной суглинками (рис. 1: 1). Могильник распахивался, в настоящее время на поверхности хорошо заметны пять курганов с уплощенными насыпями диаметром до 40 м, высотой от 0,3 м до 0,7 м. Расположены они достаточно компактно, двумя цепочками протянулись с запада на восток. Кроме этого, на поверхности отмечаются слабо возвышающиеся участки высотой до 0,1–0,15 м; как выяснилось впоследствии, один из них также оказался насыпью кургана.

Могильник исследовался двумя раскопами, вписанными в единую сетку: первый площадью 484 кв. м, был заложен на кургане 1 диаметром около 35 м, высотой около 0,5 м, второй – 132 кв. м – в 64 м к западу, на слабо обозначенной приподнятой площадке диаметром около 10 м, представляющей собой курган 6. Раскопы ориентированы по сторонам света, разбиты на квадраты со стороной 1 м. Общая исследованная площадь составила 616 кв. м (рис. 1: 2).

Курган 1. В процессе исследований насыпи кургана на поверхности погребенной почвы, в 8,5 м к северо-востоку от центра, был обнаружен скелет овцы, лежавшей на левом боку головой на юго-запад (рис. 2: 2). На разрезах кургана 1 отмечался дерново-гумусный слой около 0,15 м, под ним – насыпь, сложенная суглинком темно-коричневого цвета с признаками распашки и светлыми включениями, толщиной от 0,35 до 0,6 м. В центральной части кургана на коричневатом суглинке (погребенная почва с включениями солей, толщиной 0,2–0,25 см) лежал материковый выброс из могилы (светло-коричневый суглинок) мощностью 0,1–0,15 см (рис. 2: 1). После подчистки материка на всей площади раскопа проявились полигоны морозобойных трещин с размерами сторон от 2 до 4 м (рис. 2: 3). Под насыпью находилось одно захоронение, расположенное в центральной части площадки кургана. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, в южной части заполнена серо-коричневым суглинком, а в северной перерезана грабительской ямой, заполненной серо-коричневым суглинком с материковыми вкраплениями.

Погребение. Находилось в центре кургана, совершено в подпрямоугольной яме длиной 2,3 м, шириной 1,16 м и глубиной около 0,84 м от уровня материка. Длинной осью яма ориентирована по линии север-юг. Погребение основательно разграблено. Судя по остаткам костей, захоронение было парным; максимальное количество останков находилось в северной части могильной ямы. Кости встречались в заполнении на разных уровнях: на 30 см выше и на уровне материка (рис. 2: 4, 5). Некоторые части скелетов находились в сочленениях: так, кости плечевого пояса одного из погребенных и оба черепа с нижними челюстями, лежали в анатомическом порядке, что, вероятно, свидетельствует о разграблении могилы спустя незначительное время после совершения захоронения, когда некоторые сухожилия еще не разложились. Сохранность костей удовлетворительная, уцелели практически все кости скелетов, включая ребра и фаланги.

Погребальный инвентарь немногочислен. У северной стенки могильной ямы на уровне материка обнаружен железный нож с остатками тлена от деревянной рукояти и остатки железного изделия (рис. 2: 7). В северо-

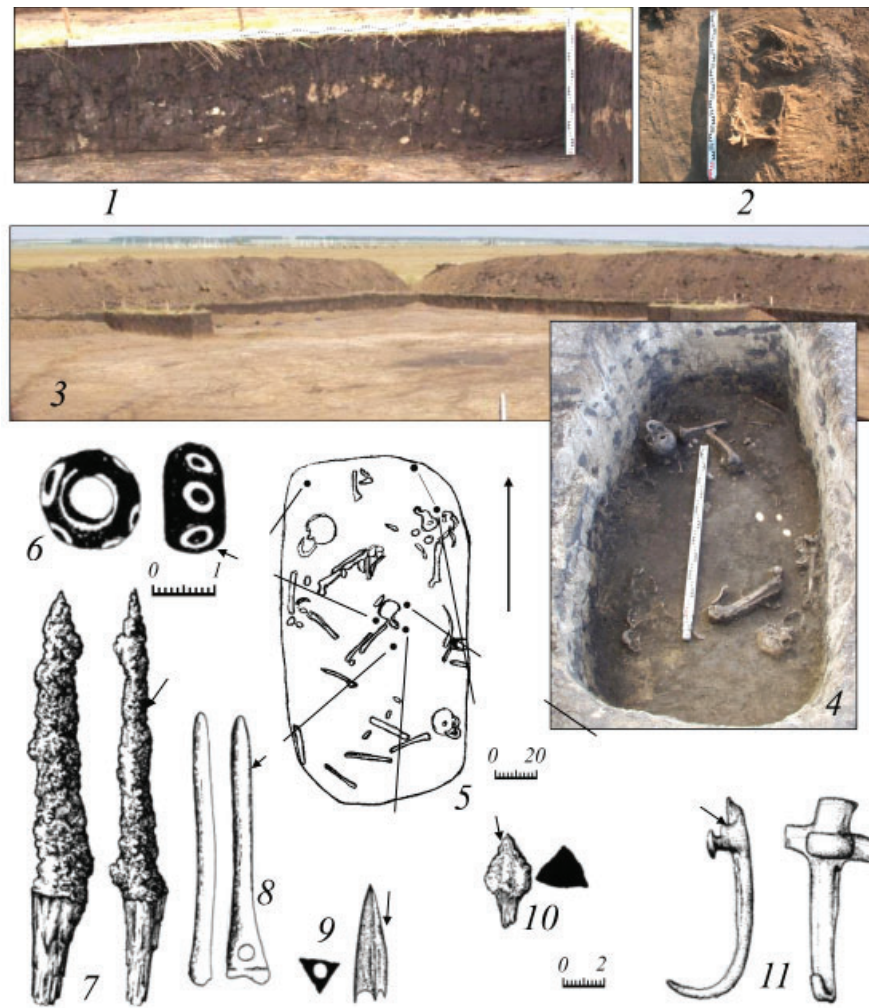

Рис. 2. Материалы погребения 1 кургана 1 могильника Памятное 1.
Fig. 2. Materials from the burial 1 of the barrow 1 at the Pamyatnoye 1 burial ground.

восточном углу и у западной стенки среди костей найдены, вероятно, железные наконечники стрел (рис. 2: 10). В центральной части могилы на материке рядом с костями таза находились: стеклянная глазчатая бусина, костяная застежка-костылек, бронзовый наконечник стрелы и крюк, для крепления колчана (рис. 2: 6, 8, 9, 11).

Курган 6. Диаметр около 10 м, находился в 64 м к западу от кургана 1. Насыпь представляла собой темно-коричневый суглинок со следами распашки, который лежал на светло-коричневом материке с сильными темными затеками. В слое темно-коричневого суглинка, на расстоянии около 8 м к юго-западу от захоронения, скорее всего, на погребенной поверхности обнаружены остатки нижней челюсти животного (лошадь?)

(рис. 3: 1). Полигональные морозобойные трещины похожи на аналогичные структуры под курганом 1, только менее отчетливы. В центральной части раскопа прослежена могильная яма, заполненная плотным серо-коричневым суглинком.

Погребение. Находилось в центральной части кургана, в яме овальной формы длиной 2,3 м, шириной 1,6 м и глубиной около 0,49 м от уровня материка, ориентировано длинной осью по линии север-юг. Погребение разграблено, но признаки грабительской ямы отсутствовали. Одиночное: погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, череп отсутствовал. Судя по отсутствию костей скелета, грабители основательно потревожили правую часть захоронения; несмотря на то что левая часть подвер-

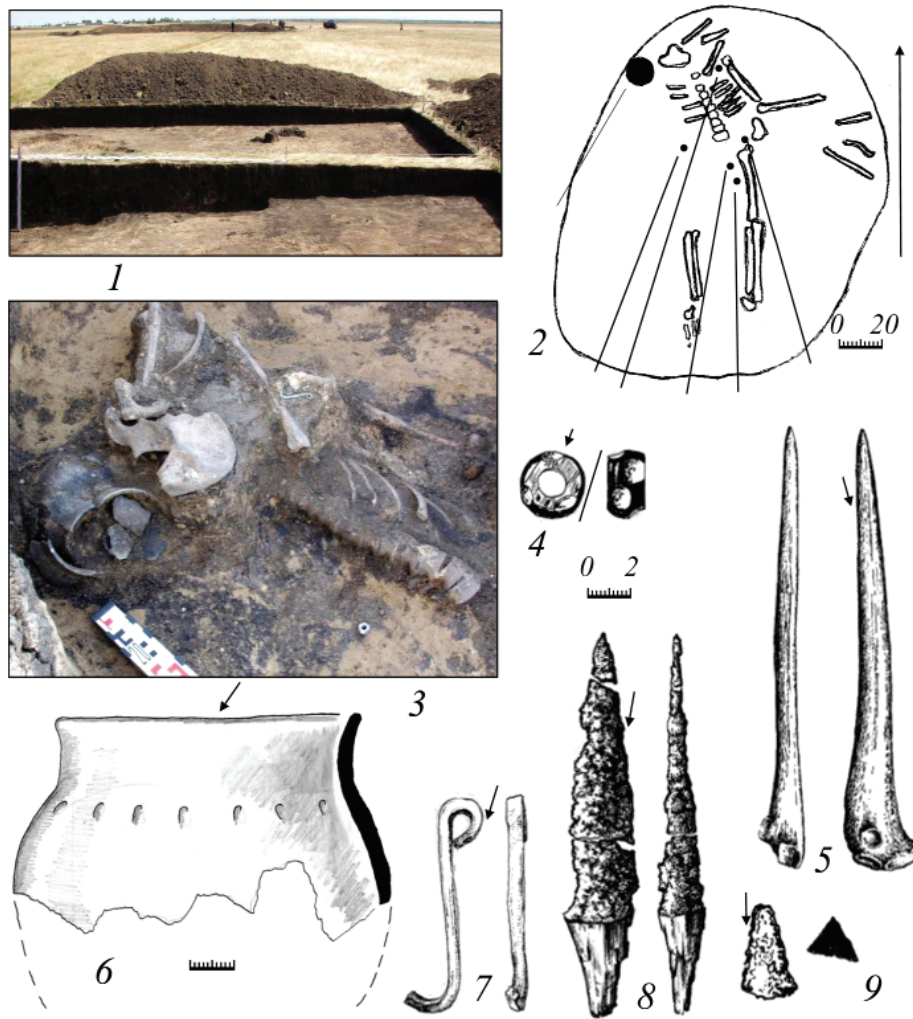

Рис. 3. Материалы погребения 1 кургана 6 могильника Памятное 1.
Fig. 3. Materials from burial 1 of the barrow 6 at the Pamyatnoye 1 burial ground.

глась разграблению она лучше сохранилась, присутствуют сочленения костей и позвоночный столб с ребрами (рис. 3: 2, 3).

Погребальный инвентарь малочислен: у правого плеча находился развал слабо орнаментированного сосуда (рис. 3: 6); у левой ключицы обнаружен бронзовый колчаный крюк; у позвоночника, в центральной части могилы, лежали костяная проколка (кочедык), стеклянная глазчатая бусина, остатки железного ножа и другого изделия, возможно наконечника стрелы (рис. 3: 7, 5, 4, 8, 9).

Таким образом, на могильнике исследовано два кургана с одиночными могилами под насыпями. Ровики, окружающие центральное пространство с погребением, отсутствовали. Обнаруженный в погребениях материал, при малочисленности, достаточно стандартен и находит аналогии в гороховских и саргатских

комплексах (Корякова, 1988; Матвеева, 1993; Полосьмак, 1987). В обоих захоронениях это бронзовые колчаные крючки, костяные изделия, стеклянные глазчатые бусины и изделия из железа. Кроме того, в погребении кургана 1 найден бронзовый наконечник стрелы подтреугольной формы со скрытой втулкой и выступающими жальцами, а в кургане 2 – остатки керамического сосуда.

Керамический сосуд. Разбит. Горшок, скорее всего круглодонной формы, в тесте присутствует тальк, на границе шейки и тулова нанесен поясok из каплевидных вдавлений. Аналогичные сосуды встречаются в гороховских и саргатских комплексах.

Бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы с опущенными ниже втулки жальцами. Лопастей слабо выражены. Наконечник ближе всего к изделиям из кургана

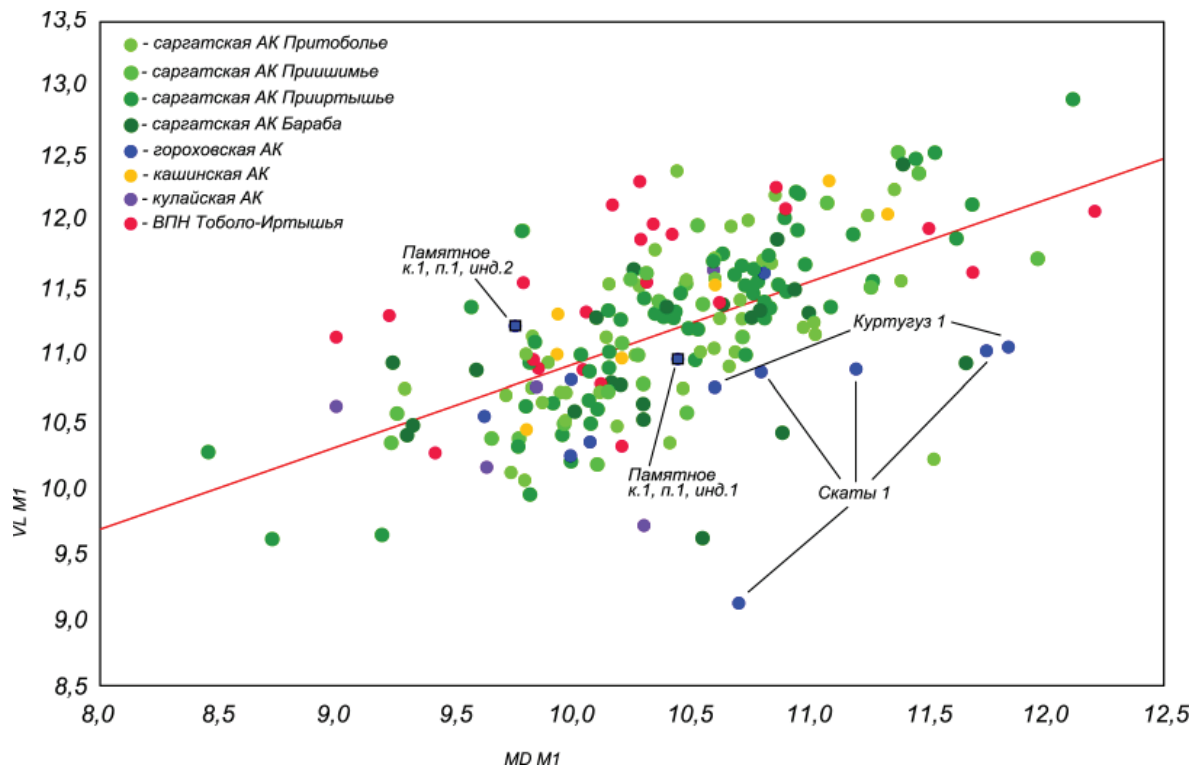

Рис. 4. Соотношение продольных (MD M1) и поперечных (VL M1) диаметров коронок постоянных первых моляров верхней челюсти индивидов раннего железного века и переходного к средневековью периода.

Fig. 4. The ratio of media-distal (MD M1) and vestibulo-lingval (VL M1) diameters of the crowns of permanent first molars of the upper jaw of individuals of the Early Iron Age and the period of transition to the Middle Ages.

VI, I у пос. Благословенского, датирующимся IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 31, 57–62).

Колчаные крючки. Крючок из кургана 6 представляет собой бронзовый стержень овального сечения с креплением в виде петли, образованной при сгибании одного из его концов. Крепление второго крючка – в виде заклепки в центре крестовидной части у конца изделия. Подобные крючки из разных материалов (бронза, железо) встречаются на широкой территории в IV–III вв. до н.э. (Булдашев и др., 1997, с. 39, рис. 22, 15; Полосьмак, 1987, с. 52, рис. 47, 24; с. 74, рис. 67, 11; Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XIII, 19, 20; Мошкова, 1963, табл. 20).

Железные ножи. Сильно коррозированы, на черешке сохранился древесный тлен. В захоронениях на территории Западной Сибири встречаются с V в. до н.э.

Железные наконечники стрелы. От первого сохранилась незначительная часть пера и черешка, от второго – часть пера. Оба подтреугольной формы.

Костяная застежка-«костылек». Подобные встречаются в могильниках на территории Западной Сибири в V–III вв. до н.э. и в

сарматских памятниках IV в. до н.э. (Полосьмак, 1987, с. 52, рис. 47, 22, 23; Мошкова, 1963, табл. 32, 1, 2).

Костяные проколки (кочедыки). Имеют широкий территориальный и хронологический диапазон.

Глазчатые многоцветные стеклянные бусины. Бусины из синего или черного стекла с цветными глазками и ободками изготавливались в финикийских и египетских мастерских. В VI–V вв. до н.э. отмечаются на Кавказе и в Северном Причерноморье, откуда попадают в поволжско-уральские степи, а с IV в. до н.э. широко распространяются на территории Западной Сибири (Смирнов, 1964, с. 151, 152).

Результаты палеоантропологического исследования

В результате раскопок курганного могильника Памятное 1 для исследования привлечены костные останки трех индивидов: два скелета мужского пола возрастом 17–18 и 50–55 лет из погребения кургана 1 и скелет мужского пола 20–22 лет из погребения кургана 6². Для краниологического и одонтологического исследования доступны два целых черепа (к.1, п.1) и одна нижняя челюсть (к.6., п.1).

В качестве новых данных использованы метрические характеристики постоянных верхних и нижних моляров представителей раннего железного века Западной Сибири (носители саргатских, гороховских, кашинских и кулайских традиций) и индивидов переходного от раннего железного века к средневековой периоду (Великого переселения народов) из Тоболо-Иртышья (табл. 1) (Зубов, 1968). Число саргатских антропологических источников, в том числе по одонтологии, в десятки раз больше. Преобладание числа саргатских погребальных комплексов над гороховскими «обусловлено широким распространением и продолжительным периодом бытования культуры на территории Западной Сибири» (Слепцова, 2023, с. 7).

Численность находок (203 индивида) позволяет провести сравнения размерных характеристик постоянных верхних моляров на индивидуальном уровне для определения положения индивидов из Памятного 1 на сопоставительном фоне (рис. 4). На графике показатели индивидов из Тоболо-Иртышья эпохи Великого переселения народов образуют совокупность, которая противопоставляется группе носителей гороховских традиций.

ния кургана 1, сближаясь с индивидами из могильников Куртугуз и Скаты. Различие черепов из Памятного 1 подчеркивается и по данным краниометрии – на графике распределения гороховских индивидов с помощью факторного анализа из-за более заметной примеси монголоидных элементов второй индивид из центрального погребения кургана 1 имеет максимальные положительные значения по второму фактору (Багашев, Слепцова, 2024, рис. 2).

Сопоставление суммарных данных представителей саргатских, гороховских, кашинских и кулайской культур и индивидов переходного от раннего железного века к средневековой периоду методом главных компонент (табл. 1, рис. 5) демонстрирует похожую картину распространения серий. Для распределения серий на графике ключевыми стали значения продольных (MD) и поперечных (VL) диаметров нижних моляров для первой главной компоненты и значения продольных (MD) размеров вторых верхних моляров для второй главной компоненты (табл. 2).

Гороховская выборка расположилась в положительном поле графика вместе с группой саргатской культуры из Прииртышья.

Таблица 1. Продольные (MD M1) и поперечные (VL M1) диаметры коронок постоянных моляров групп раннего железного века и эпохи Великого переселения народов, привлеченных для сопоставления

Table 1. Samples of the media-distal (MD M1) and vestibulo-lingval (VL M1) diameters of the crowns of permanent first molars of the Early Iron Age and the period of transition to the Middle Ages..

	Верхняя челюсть				Нижняя челюсть			
	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2	MD M1	VL M1	MD M2	VL M2
Гороховская АК	10,70	10,94	9,62	11,12	10,88	10,16	10,22	9,66
Саргатская АК (суммарно)	10,53	11,19	9,78	11,10	10,97	10,39	10,13	10,02
Притоболье	10,69	11,20	9,89	11,16	10,94	10,44	10,15	10,13
Приишимье	10,30	11,09	9,76	11,12	10,81	10,46	10,32	10,13
Прииртышье	10,48	11,31	9,67	11,18	10,98	10,37	10,02	9,94
Бараба	10,42	10,99	9,83	10,64	11,41	10,46	10,09	9,96
Кашинская АК	10,23	11,28	9,94	11,17	10,87	10,46	10,27	10,21
Кулайская АК	9,89	10,69	9,78	11,11	10,96	10,39	10,13	10,03
ВПН	10,25	11,54	9,72	11,51	10,63	10,89	10,46	10,56

Значения индивидов саргатской культуры из разных регионов располагаются хаотично, не обнаруживая территориальных различий. Индивиды из Памятного 1 отдалены друг от друга. В совокупность гороховских данных на графике попадает индивид 1 из погребения

Ранее отмечено, что в составе населения гороховской и саргатской культур основным является морфологически сходный европеоидный компонент, характеризующийся мезобрахикранной формой мозговой коробки, широким, невысоким, умеренно профилиро-

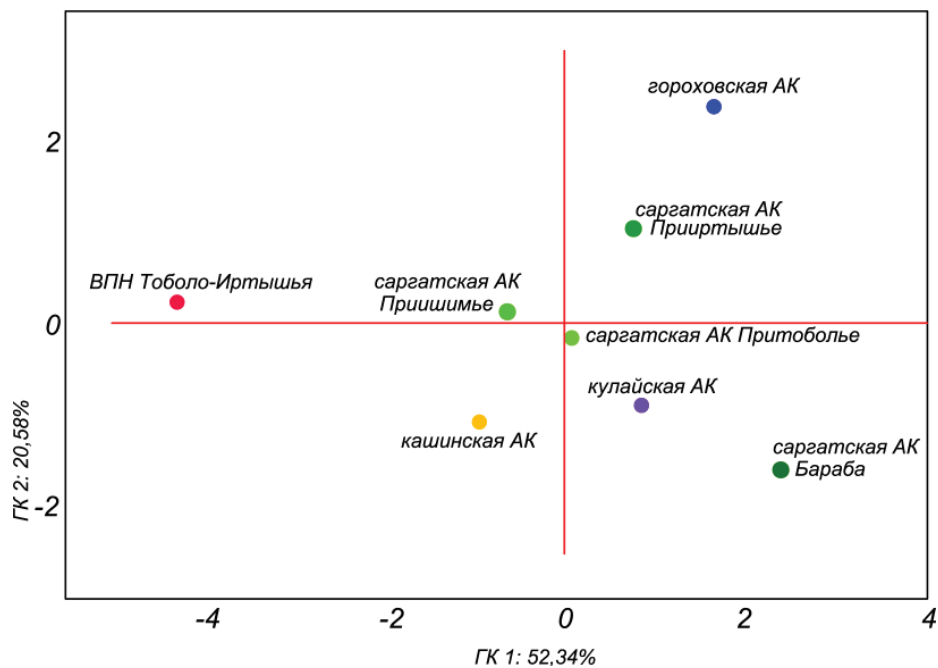

Рис. 5. Результаты сопоставления одонтометрических характеристик выборок гороховской культуры с группами раннего железного века и переходного к средневековью периода.

Fig. 5. Results of comparison of odontometric characteristics of samples of the Gorokhovo culture with groups of the Early Iron Age and the period of transition to the Middle Ages.

ванным в горизонтальной плоскости лицевым скелетом (Багашев, 2000, с. 246). Одонтологические данные также позволяют говорить о тесных популяционных связях носителей саргатских и гороховских традиций, их контакты с сарматами способствовали сближению их антропологического состава (Слепцова, 2021). Данные одонтометрии в данном

случае органично дополняют сложившуюся картину.

Обсуждение и результаты

Для лесостепных территорий от Зауралья до Приобья в переходный период от бронзы к раннему железу погребальные практики практически не изучены, за исключением нескольких погребений из могильников Приобья, Барабы и Приишимья (см. например: Грязнов 1956; Матвеева 1991; Молодин, 2006)). Судя по всему, обозначенные погребения происходят из грунтовых могильников, курганный способ захоронения появляется в комплексах Приобья и Барабы в VI–V вв. до н.э. (Троицкая, Бородавский, 1994; Полосьмак, 1987, с. 90), Приишимья – по Н.П. Матвеевой, в V–IV вв. до н.э. (Матвеева, 1994, с. 141).

Курганы раннего железного века, исследованные в Притоболье, Н.П. Матвеева по количеству содержащихся под ними погребений и рвов распределяет в три хронологические группы (Матвеева 1993, с. 135, табл. 47). Исследованные на могильнике Памятное 1 курганы по этой классификации можно отнести к хронологической группе V – начала III в. до н.э., чему не противоречат наличие одиночных захоронений, не окруженных ровиками, и сопровождающий погребенных инвентарь. В эту группу попадают как значи-

Таблица 2. Нагрузки на признаки в составе первых двух главных компонент. Одонтометрический анализ серий раннего железного века и переходного периода

Table 2. Trait loadings on features of the first two key components. Odontometric analysis of the Early Iron Age and the period of transition to the Middle Ages samples

		ГК 1	ГК 2
Верхняя челюсть	MD M1	0,28	0,55
	VL M1	-0,73	0,12
	MD M2	-0,07	-0,81
	VL M2	-0,83	0,42
Нижняя челюсть	MD M1	0,80	-0,45
	VL M1	-0,85	-0,35
	MD M2	-0,83	0,09
	VL M2	-0,90	-0,40

тельные по размерам «шатровые» курганы, так и небольшие, в том числе без ровиков, сооружения. Наиболее ранние «шатровые» курганы в Западной Сибири и Казахстане, приуроченные к северным пространствам степи и южным лесостепи, по данным Л.Н. Коряковой, появляются в VI–V вв. до н.э. и доживают до IV–II вв. до н.э. (Корякова 1988, с. 48). Хотя, на наш взгляд, для лесостепных и южнотаежных территорий время появления подкурганного способа захоронения требует уточнения. «Беспогребальные» в традиционном смысле комплексы восточного варианта иткульской и байтовской культур, вероятно, являются пограничными между периодом «отсутствия» и появлением подкурганного захоронения. Конечно, «отсутствие» у восточных иткульцев и байтовцев грунтовых и курганных могильников может свидетельствовать о существовании у них иных типов погребения – наземных, «воздушных» или иных, что, вероятно, может быть связано с миграцией их предков (изготавливавших посуду с крестовой орнаментацией) с таежных территорий. Появление курганного способа захоронения исследователи связывают с «саргатско-гороховским этапом саргатской общности» (Булдашев и др., 1997, с. 141, 142), локальным притобольским вариантом саргатской культуры (Полосьмак, 1987, с. 33). Н.П. Матвеева рассматривает гороховские материалы в рамках отдельной – гороховской культуры, занимавшей в конце VI – III в. до н.э. «северо-восточную периферию мира уральских кочевников» (Матвеева, 2019).

Гороховские погребальные комплексы представлены большими «шатровыми» и небольшими одномогильными курганами и насыпями. Иногда под курганами присутствовали гороховские и саргатские захоронения. Наряду с гороховскими курганами со рвами, окружающими могилы, известны насыпи без ровиков (см., например: (Сальников, 1962; Зах, Арефьев, 2018; Матвеева, 1993; 2019; Зах, 2009)). Аналогичные одномогильные курганы исследованы в Верхнем Приобье, относятся к большереченской культуре, датировались М.П. Грязновым (Грязнов, 1956) и М.Н. Завитухиной (Завитухина, 1968) в рамках V–IV вв. до н. э. Позднее появление одно- и двухмогильных курганов на бийском этапе большереченской культуры стали относить к VI–V началу – IV в. до н. э. (Троицкая,

Бородовский, 1994). Вероятно, в рамках этого периода и как гороховские следует рассматривать исследованные курганы могильника Памятное 1.

Если время формирования курганного некрополя Памятное 1 в период конца VI – начала IV в. до н.э. и его принадлежность к гороховским комплексам не вызывает особых сомнений, то статус последних в целом в культурно-историческом контексте раннего железного века, в частности, Притоболья требует, на наш взгляд, дальнейшего осмысления. Согласно новым данным, в одних и тех же жилищах на байтовских поселениях находились байтовские и гороховские сосуды, а на некоторых памятниках – гороховские и саргатские материалы (Зах, Цембалюк, 2013). С.И. Цембалюк находит объяснение этим фактам в концепции Н.П. Матвеевой о миграции гороховцев в притобольскую лесостепь с юго-запада, а саргатского населения с востока. В результате взаимодействия этих групп населения, считает исследователь, произошла ассимиляция байтовцев, культура которых прекратила свое существование к IV в. до н.э. (Цембалюк, 2017, с. 14, 15). Исследования в Барабинской лесостепи на памятнике Чича 1 (Молодин и др., 2001; 2004; 2009) и на поселениях Прииртышья и Приишимья (Зах и др., 2015; Илюшина и др., 2019; Цембалюк, Берлина, 2014) свидетельствуют, что концепция о миграции саргатцев в Тоболо-Иртышский регион с территории Барабы не находит подтверждений.

Наряду с обозначенной выше концепцией существует точка зрения о формировании саргатской культуры на территории всего ее ареала: от барабинской до притобольской лесостепи, включая Приишимье. Имеющиеся в настоящее время материалы, в частности городища Калачик 1 и кургана 7 могильника Чепкуль 9, дают основание рассматривать смену байтовских комплексов гороховскими как процесс последовательного, этапного развития. Этот процесс представляется нам частью культурогенеза в рамках переходного периода от бронзы к раннему железному веку Притоболья, где, по нашему мнению, за усть-устьскими следуют иткульские, затем – байтовские, за ними – гороховские и, наконец, саргатские комплексы. С формированием последних (саргатских) завершается растворение элементов пришлой лесной традиции

в лесостепной этнокультурной среде. Так, городище Калачик 1, построенное носителями байтовско-гороховско-саргатской посуды, частично перекрыло поселок с наземными жилищами «лесного» байтовского населения. Поселение «лесных» байтовцев существовало, вероятно, в VII–VI вв. до н.э., а первые укрепления на памятнике появляются в конце VI – V в. до н.э., о чем свидетельствуют как радиоуглеродные даты, так и фрагмент керамики байтовско-гороховского облика, залежавший на погребенной почве под валом (Зах, Цембалюк, 2013). Показательна стратиграфическая ситуация, связанная с курганом 7 могильника Чепкуль 9, который был возведен на байтовском поселенческом комплексе. По наблюдениям за стратиграфией и радиоуглеродным датам, ранняя часть усыпальницы представлена погребением 8, расположенным в центре и связанным с более глубоким ровиком, заполненным серой супесью, принадлежащим к гороховской культуре. Более поздние (саргатские) захоронения расположены к востоку и западу от центрального, северная и юго-западная части погребальной площадки были свободны от могил (Зах, 2009).

Исследования последних десятилетий поселенческих комплексов, а также палеоантропологические данные, в частности материалы могильника Памятное 1, где захоронены мужчины с разной долей монголоидных черт, входящие в гороховскую выборку, показывают, что становление культуры раннего железного века в Притоболье происходило достаточно сложно, с включением в этот процесс разных групп населения: местного, вероятно более монголоидного, и более европеоидных мигрантов.

Период с появления в Нижнем Притоболье гамаюнского населения и его ассимиляции с бархатовским до утверждения саргатской культуры занимает около 5–6 веков (с IX по IV–III вв. до н.э.). Этот интервал включает формирование восточного варианта иткульской культуры, становление байтовских, а впоследствии – гороховских комплексов. В течение этого времени население, на наш взгляд, в большей степени ориентировалось на традиции, унаследованные от носителей бархатовской и гамаюнской культур. Наиболее значимыми и хорошо фиксируемыми являются строительство наземных жилищ в укрепленных поселках и захоронения в грун-

товых могильниках или иной способ погребения. Изменения фиксируются в конце существования байтовских – начале формирования гороховских комплексов. Отмечаются хорошо укрепленные городища, на смену наземным сооружениям приходят жилища-полуземлянки с углубленными в грунт котлованами, появляется курганный обряд захоронения. Перестройка традиций, изменения в хозяйстве и структуре гороховского общества, как считают исследователи, определялись взаимодействием пришлых и автохтонных лесостепных этнических групп, в частности, из савромато-сарматской среды. По мнению К.Ф. Смирнова, в V в. до н.э. группы савроматов продвинулись в Зауралье и вошли в состав гороховской культуры (Смирнов, 1964, с. 273–275). Это предположение подтверждается антропологическим типом гороховского населения, сходным с сармато-савроматским, но имеющим небольшие монголоидные признаки в виде слегка уплощенного в горизонтальной плоскости лица (Багашев, Слепцова, 2024), а также набором инвентаря сарматского облика, в частности, курительницами (Зах 2021; Проконова 2023). Последние широко распространяются уже в саргатских комплексах.

Заключение

Происходившие в начале I тыс. до н. э. природные изменения привели к деградации скотоводческого хозяйства позднебронзового населения в лесостепной зоне Западной Сибири и миграции на эти территории таежного населения. В Притоболье в процессе взаимодействия бархатовской и гамаюнской культур формируются комплексы восточного варианта иткульской культуры, а на их основе – байтовские. В развитии перечисленных комплексов наблюдается преемственная связь и прослеживается влияние таежных культурных традиций, принесенных мигрантами с севера: укрепленные поселения, наземные жилища и грунтовые, наземные или «воздушные» захоронения. В конце V – IV в. до н.э., в финале существования байтовских комплексов, общество переориентируется на традиции лесостепных и степных культур, чему способствовало проникновение в Притоболье населения из савромато-сарматской среды. Появляются хорошо укрепленные городища, жилища полуземляночного типа, захоронения под курганами и некоторые виды изде-

лий сарматского облика. Эти традиции появляются и развиваются в гороховской среде, а затем распространяются в широком саргатском ареале, знаменуя становление собственно стабильной культуры раннего железного века.

Примечания:

¹ За термином «комплексы» (так же, как и «древности», «традиции») стоит в зависимости от контекста понятие, синонимичное «культуре», «группе памятников», «типу керамики». В археологической культуре видим прежде всего «систему традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедших свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемых посредством анализа этих источников» (Аникович, 1981, с. 20).

² Материалы хранятся в ИПСО СО РАН (№ 92-1,2,3). Определения пола и возраста проведены О.Е. Пошехоновой, за что авторы приносят ей благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В. О содержании понятия археологическая культура // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Ред. Л. М. Плетнева. Томск: ТГУ, 1981. С. 18–21.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Багашев А.Н., Слепцова А.В. Данные краниологии и одонтологии к проблеме формирования населения гороховской археологической культуры эпохи раннего железа // УАВ. 2024. Т. 24. № 2. С. 312–332.

Булдашев В.А., Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Косинцев П.А., Курто П., Махонина Г.И., Ражев Д.И., Потро Ж.-П., Шаранова С.П. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 163 с.

Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. // АСГЭ. Вып. 10. / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Советский художник, 1968. С. 28–36.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 4–21.

Зах В.А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 66–82.

Зах В.А., Арефьев С.П. Дерево из конструкций Царева Кургана на Тоболе // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории: к 70-летию акад. В.И. Молодина / Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 276–293.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14.

Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Приоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 54–67.

Зимица О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В. Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 29–47.

Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк 1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Приоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья. Автореф. Дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 22 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 241 с.

Корякова Л.Н., Погодин Л.И., Труфанов А.Я. К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху бронзы – раннего железного века // Проблемы археологии Степной Евразии. Ч. 2 / Отв. ред. В.Н. Добжанский. Кемерово: Кемеров. ун-т, 1987. С. 42–46.

Матвеева Н.П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железному в лесостепном Приишимье // Древние погребения Обь-Иртышья / Отв. ред. В.А. Матющенко. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 78–84.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // РА. 2019. № 1. С. 4–19.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Маништейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Маништейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2004. 336 с.

Молодин В.И. Некрополь городища Чича–1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4 (28). С. 115–121.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребуцак В.А., Дребуцак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Рейхе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 248 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: АН СССР, 1963. 56 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Проконова М.М. Предметы культа из памятников саргатской культуры в контексте взаимодействия лесостепного населения с кочевниками Урало-Казахстанских степей // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1 (60). С. 53–67.

Сальников К.В. Царев Курган на реке Тоболе // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1962. С. 38–41.

Слепцова А.В. Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 163–175.

Слепцова А.В. Антропологический состав населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии: саргатская, гороховская и кашинская культуры. Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2023. 19 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 163 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 380 с.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. Матющенко В.И. Томск: ТГУ, 1970. С. 238–253.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье. Автореф. ... Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 20 с.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.

Информация об авторе:

Зах Виктор Алексеевич, доктор исторических наук, зав. сектором, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН (г. Тюмень, Россия); viczakh@mail.ru

Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН (г. Тюмень, Россия); sleptsova_1993@mail.ru

REFERENCES

Anikovich, M. V. 1981. In Pletneva, L. M. (ed.). *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoy Sibiri (Methodological aspects of archaeological and ethnographic research in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 18–21 (in Russian).

Bagashev, A. N. 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoy Sibiri: Lesostep' v epokhu rannego zheleza (Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-Steppe Area in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. 537 (in Russian).

Bagashev, A.N., Sleptsova, A.V. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2 (24), 312–332 (in Russian).

Buldashev, V. A., Kovrigin, A. A., Koryakova, L. N., Kosintsev, P. A., Kurto, P., Makhonina, G. I., Razhev, D. I., Potro, Zh.-P., Sharapova, S. V. 1997. *Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevskiy mogil'nik sargatskoy obshchnosti: antropologicheskoe issledovanie (The culture of Trans-Ural pastoralists at the turn of the era. Gaevsky burial ground of the Sargat community: an anthropological study)*. Ekaterinburg: "Ekaterinburg" Publ. (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zavitukhina, M. P. 1968. In Artamonov, M. I. (ed.) *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: "Sovetskiy khudozhnik" Publ., 28–36 (in Russian).

Zakh, V. A. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 9, 4–21 (in Russian).

Zakh, V. A. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 53 (2), 66–82 (in Russian).

Zakh, V. A., Arefiev, S. P. 2018. In Derevyanko, A. P., Shun'kov, M. V. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye aspekty izucheniya drevney i srednevekovoy istorii: k 70-letiyu akad. V.I. Molodina (Multidisciplinary aspects of the study of ancient and medieval history: to the 70th anniversary of academician V.I. Molodin)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 276–293 (in Russian).

Zakh, V. A., Ilyushina, V. V., Tigeeva, E. V., Enshin, D. N., Kostomarov, V. M. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 29 (2), 4–14 (in Russian).

Zakh, V. A., Tsembalyuk, S. I. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 22 (3), 54–67 (in Russian).

Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area at the Turn of Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zubov, A. A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Odontology. Anthropological Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ilyushina, V. V., Zakh, V. A., Enshin, D. N., Tigeeva, E. V., Kisagulov, A. V. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 46 (3), 29–47 (in Russian).

Kaidalov, A. I. 2013. *Gorodishche Ust'-Utyak I kak istochnik po izucheniyu kul'turno-istoricheskikh protsessov na territorii Srednego Pritobol'ya v perekhodnoe vremya ot bronzы k zhelezu i epokhu rannego srednevekov'ya (Ust-Utyak I hillfort as a source for the study of cultural and historical processes in the territory of the Middle Tobol region during the transition from Bronze to Iron and the early Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kemerovo (in Russian).

Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Koryakova, L. N., Pogodin, L. I., Trufanov, A. Ya. 1987. In Dobzhansky, V. N. (ed.). *Problemy arkheologii Stepnoy Evrazii (Issues of archaeology of Steppe Eurasia)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 42–46 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1991. In Matyushhenko, V. A. (ed.). *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtys'hya (Ancient Burials of the Ob-Irtys'h Region)*. Omsk: Omsk University, 78–84 (in Russian).

Matveeva, N. P. 1993. *Sargatskaya kul'tura na Srednem Tobole. Novosibirsk (Sargatka Culture in the Middle Tobol Region)*. Новосибирск: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matveeva, N. P. 1994. *Rannii zheleznyi vek Priishim'ia (Early Iron Age in the Ishim River Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matveeva, N. P. 2019. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 4–19 (in Russian).

Molodin, V. I., Parzinger, G., Garkusha, Yu. N., Shneeweiss, J., Grishin, A. E., Novikova, O. I., Chemyakina, M. A., Mylnikova, L. N., Vasiliev, S. K., Becker, G., Fassbinder, J., Manstein, A. K., Dyadkov, P. G. 2001. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Barabinsk forest-steppe)* 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Molodin, V.I., Parzinger, G., Garkusha, Yu.N., Shneeweiss, J., Grishin, A.E., Novikova, O.I., Chemyakina, M.A., Efremova, N.S., Marchenko, Zh.V., Ovcharenko, A.P., Rybina, E.V., Mylnikova, L.N., Vasiliev, S.K., Beneke, N., Manshtein, A.K., Dyadkov, P.G., Kulik, N.A. 2004. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Barabinsk forest-steppe)* 2. Novosibirsk; Berlin: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Molodin, V. I. 2006. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 28 (4), 115–121 (in Russian).

Molodin, V. I., Parzinger, G., Krivonogov, S. K., Kazansky, A. Yu., Chemyakina, M. A., Matasova, G. G., Vasilievsky, A. N., Ovcharenko, A. S., Grishin, A. E., Ermakova, N. V., Dergacheva, M. I., Fedeneva, I. N., Nekrasova, O. A., Mylnikova, L. N., Durakov, I. A., Kobeleva, L. S., Zubova, A. V., Chikisheva, T. A., Pozdnyakov, D. V., Pilipenko, A. S., Romashchenko, A. G., Kulikov, I. V., Kobzev, V. F., Novikova, O. I., Vasiliev, S. K., Shneeweiss, J., Privat, K., Boldyrev, V.V., Drebuschak, V. A., Drebuschak, T. N., Derevianko, E. I., Borodovsky, A. P., Bourgarit, D., Reiche, I., Kuzminykh, S. V., Marchenko, Zh. V. 2009. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Barabinsk forest-steppe)* 3. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Polos'mak, N. V. 1987. *Baraba v epokhu rannego zheleza (Baraba in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prokonova, M. M. 2023. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 60 (1), 53–67 (in Russian).

Salnikov, K.V. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 2. Sverdlovsk: Ural State University, 38–41 (in Russian).

Sleptsova, A.V. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 54 (3), 163–175 (in Russian).

Sleptsova, A. V. 2023. *Antropologicheskii sostav naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznoogo veka po dannym odontologii: sargatskaya, gorokhovskaya i kashinskaya kul'tury (Anthropological composition of Western Siberia population in the Early Iron Age according to odontology: Sargat, Gorokhovo and Kashino cultures)*. Thesis of the Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Tyumen (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stoyanov, V. E. 1970. In Matiushchenko, V. I. (ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkhologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri (Issues of Chronology and Cultural Attribution of the West Siberian Archaeological Sites)*. Tomsk: Tomsk State University, 238–253 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Borodovskiy, A. P. 1994. *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya (Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsembalyuk, S. I. 2017. *Baitovskaya kul'tura nachala rannego zheleznogo veka v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e (Baitovo culture of the beginning of the Early Iron Age in the forest-steppe and subtaiga zone of Tobol basin)*. Tyumen. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences (in Russian).

Tsembalyuk, S. I., Berlina, S. V. 2014. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 26 (3), 55–65 (in Russian).

About the Author:

Zakh Viktor A., Doctor of Historical Sciences, Head department, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia); viczakh@mail.ru

Sleptsova Anastasiia V., Candidate of Historical Sciences, researcher, Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia); sleptsova_1993@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу